

Послесловие

Никогда не умела рассказывать о себе. Строки казенной автобиографии сухи и невыразительны. Жизнь души выражена в стихах. Все же попробую.

Родилась я в Томске. В девять месяцев мама отвезла меня к бабушке в Бийск, и там, на Алтае, на берегу горной реки Бии прошло мое детство и я начала осознавать себя как личность, ощутила безнадежную и хрупкую красоту мира. Мы жили на самом берегу, и вечерами я бегала на реку любоваться закатом. В семье было принято читать вслух. До сих пор помню чувство сладкого ужаса, охватывающее меня, когда читали "Страшную месть" Гоголя.

Бабушка читала мне то, что интересно самой: романы Гюго, Мельникова-Печерского, "Угрюм-реку". Любимой книгой были сказы Бажова - мне постоянно напоминали: это про дедушкину родину. На стене висела картина самодеятельного художника "Река Чусовая". Искусство и реальность переплетались в моей ребячьей душе. Легендой было и Телецкое озеро, и Чуйский тракт - места для ребенка недоступные и волшебные. Но Чуйский тракт начинался в квартале от нашего дома, по нему шли тяжелые машины, груженные зерном, и стада мохнатых быков сарлыков из Монголии. Он был рядом и он был в песне - одновременно. "Есть по Чуйскому тракту дорога". Шоферы на тракте разбивались так же, как в песне. И их везли хоронить по тому же тракту на машинах, жутко и тревожно гудящих. А на могилах устанавливали руль.

Электричества еще не было, и перед тем как зажечь керосиновую лампу, садились "сумерничать". Тут звучали и страшные истории про мертвецов, и поэтическая легенда о любви Бия (в легенде он был мужчиной) и Катуня, и совсем-совсем полупшепотом рассказы о годах культа и "черном вороне", по ночам увозившем людей в никуда. История семьи тоже складывалась из неких историй-мифов о том, как дедушка в годы революции охранял Ленина (тут же шепотом - никому не говори - пелась частушка "Сталин, Троцкий, дай огня, нету спичек у меня"), о том, как в Отечественную бабушка спасала мою маму от тифа, как моя тетя беременная чуть не попала на фронт, потому что стеснялась признаться, что ждет ребенка, как двоюродный дядя охранял эзков на Колыме, о том, что мой отец был "сыном врага народа", о том, как мою бабушку выдавали замуж. Множество удивительных и, как я теперь понимаю, опозитизированных историй рассказывала моя любимая бабушка Антонина Андреевна Новикова.

Половина из них была окутана покровом тайны (никому не рассказывай!) и оттого становилась особенно волшебной.

Поэзия и действительность существовали в одной плоскости, и потому, когда во втором классе учительница поручила нам написать стихи про осень, я нисколько не затруднилась и смело взялась сочинять. Не так это оказалось просто. Слова не вмещались в размер, рифмы не слушались. Однако два четверостишия - одно хореем, другое анапестом - я написала. Запомнилась из них одна строчка "Речка наша тише потекла" - итог длительных созерцаний закатов на берегу, врезавшийся в детское сознание факт: перед ледоставом тяжелая густая вода в самом деле замедляет бег.

В девять лет мама, Тамара Порфирьевна Новикова, работавшая вузовским преподавателем химии, наконец получила квартиру и забрала меня к себе в Томск. Меня устроили в спецшколу с преподаванием предметов на немецком языке, и беззаботное детство кончилось. Я стала одна и сама. Школе я очень благодарна за отличное изучение немецкой литературы и милые традиции, сохранившиеся еще от старой гимназии, поразительные и жуткие экспонаты в банках в кабинете биологии и неуловимый аромат старины, сохранившийся в старых стенах. Здесь впервые обратили внимание на мои литературные способности и сулили, что я вырасту "второй Инной Гофф" (ленинградская писательница, некогда учившаяся в нашей школе и служившая предметом неиссякаемой гордости). Я сочиняла юмористические стихи для школьной стенгазеты и рисовала карикатуры. Стихи получались лучше. Стенгазета в дальнейшем определила выбор мною профессии журналиста. А стихи мои милейший преподаватель немецкой истории Фридрих Морицевич Мет отнес в областную молодежную газету и принес одобрительный отзыв с ремаркой "подражание Асадову". Асадов мне тогда в связи с юношеским максимализмом активно не нравился, и я сочла это оскорбительным. Я не хотела быть ни второй Инной Гофф, ни подражательницей Асадову, я хотела быть собой. Хотя вряд ли это вполне осознавала. Стихов я тогда читала много и понимала, что у меня получается не так. Ни с кем не советуясь, почти инстинктивно работала над техникой, добиваясь, чтобы самая глубокая мысль вмещалась в 12 строк. Потом этот отработанный до автоматизма навык, скорее, мешал, чем помогал, но емкости и краткости я научилась.

На филфаке Томского университета я получила возможность заниматься тем, что мне нравится. Подумать только - чтение книг может быть заданием. Ведь это же наслаждение! В моем распоряжении были многомиллионные фонды университетской "Научки", самой лучшей библиотеки Сибири, где в отделе редких книг

хранились библиотека Жуковского, книги с автографами Пушкина и множество уникальных фолиантов. Их нельзя было трогать, но уже смотреть на них было счастьем. Был в библиографическом отделе и "закрытый фонд", книги из которого выдавались только с письменного разрешения ректора. Я попыталась как-то получить оттуда Фрейда, которого мы изучали по курсу психологии, но получила отказ. Советской студентке читать такую литературу не полагалось. На моих глазах из открытых фондов в закрытые исчез белый томик Ахматовой, изданный в годы войны в Ташкенте. Я как раз работала над курсовой "Лирика Ахматовой в годы войны", и эта пропажа чуть не стоила мне удачной защиты. Время было невнятное, начало семидесятых. Культ личности осуждался, но как-то полушепотом, лучше вообще было обходить эти темы. Запрещенные писатели - Бабель, Пастернак, Мандельштам - были как бы уже разрешены, но интерес к ним не поощрялся. Наши университетские педагоги изощрялись, как могли, чтобы включить их произведения в план наших курсовых и дипломных, чтобы мы росли и мужали на примерах настоящей литературы, а не на той "секретарской литературе", которая тоннами выпускалась государственными издательствами.

"Самиздаит" был широко распространен и активно преследовался. За распространение романов Солженицына загремели на три года на лесоповал три студента нашего факультета. Они вернулись и восстановились на наш курс, угрюмые, повзрослевшие, малоразговорчивые. Один из них сразу хмуро предупредил: при мне лишнего не болтайте, я теперь сексот. Никого из наших он не заложил. Но факты вокруг нас имели место. И было это как правила некоей всеобщей игры с огнем. Извернись и напиши между строк так, чтобы поняли и не схватили.

Очагом демократии в вечно оппозиционном властям университете была многотиражная газета "За советскую науку", куда я пришла в начале первого курса. При газете существовала общественная редакция, в которой по зову сердца работали вместе преподаватели и студенты на равных. На еженедельных летучках студент мог покритиковать неудачную статью профессора, и тот спокойно воспринимал это, ибо цель была общей - сделать хорошую газету. Там царил атмосфера всеобщей любви и товарищества. Мы сбегали с лекций, чтобы срочно заткнуть "дырку" в полосе, и нам не попадало за это от строгих наставников. Душой всего этого братства была Галина Александровна Чалдышева, светлейший человек, научивший меня в журналистике быть честной и отвечать за каждое слово, досконально проверять факты.

Была еще и спелеосекция, не только спорт, а уроки студенческого братства, густо приправленные романтизмом. Был расцвет бардовской песни, в Томск при-

езжали Кукин и Никитины, Городницкий и Визбор. Высоцкого обком партии в город не пустил. Потрясением были гастроль "Ленкома" уже с Захаровым. В студенческом кино клубе показывали тайком картины, положенные Госкино на полку. Культурная жизнь цвела и давала тайные ростки. И возникали литературные объединения, в которых юные дарования сталкивались в высокоинтеллектуальных спорах, высекая искру поэзии.

Все дальнейшее уже менее интересно. Работа, семья, рождение детей, ступени поэтического и профессионального роста. Выросли сыновья - Григорий и Максим, появились две невестки - две Оли, родилась внучка Настя. Это все уже в Приамурье. В 1986 году я переехала с мужем в Благовещенск, работала в "Амурском комсомольце", "Амурской правде", теперь вот в "Комсомольской правде" в Приамурье. Выходили книги - большая подборка "Нелетная погода" в сборнике "Радуга", "Яблоки райского сада", "Пока еще люблю", буклет "Там, где Зейя с Амуром слились меж собой", подготовленный вместе с художником Николаем Савченко. Очень плодотворным было сотрудничество с Сергеем Зражевским, написавшим много песен на мои стихи, с которым мы какое-то время совместно вели занятия Клуба творческой интеллигенции, пытаюсь противостоять неумолимой практичности времени. Были годы вынужденного молчания, когда неизданные стихи комом вставали в горле и умирали от невостребованности. Была жизнь, и была смерть друзей. Все было. Все осталось в стихах. Для того, чтобы издать все написанное, не найти никаких средств.

Я безмерно благодарна издателям газеты "2х2" Николаю и Елене Семашко, редактору "Комсомолки" в Приамурье" Татьяне Судаковой и всем, кто помог мне в работе над этой книгой. Это подарок, который не оценишь никакими словами. Просто молча кланяюсь.

Светлана Борзунова.